

Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: (Богословско-апологетическое исследование): [Царство Божие в истории и современной действительности] // Богословский вестник 1903. Т. 1. № 1. С. 1–39 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ИДЕЯ ЦАРСТВА БОЖІЯ

въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія.

(Богословско-апологетическое изслѣдованіе).

*Остави мертвыя погребсти своя
мертвецы, ты же иди възвѣщай
царствіе Божіе.*

Ев. Лук. гл. IX, ст. 60.

IV.

Царство Божіе въ исторіи и современной дѣйствительности.

Христось!... Гдѣ ты, Христось, сіяющій лучами
Безсмертной истины, свободы и любви?..
Взгляни,—Твой храмъ опять поруганъ торгашами,
И мечъ, что Ты принеся, запятнанъ весь руками,
Повинными въ страдальческой крови!..

С. Надсонъ.

Онъ—здѣсь, теперь,—среди суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ
Владѣешь ты всерадостно тайной:
Безсильно зло; мы вѣчны: Съ нами Богъ!

Вл. Соловьевъ.

Пусть все поругано вѣками преступленій,
Пусть незапятнаннымъ ничто не сбереглось;
Но совѣсти укоръ сильнѣе всѣхъ сомнѣній,
И не погаснетъ то, что разъ въ душѣ зажглось.
Великое не тщетно совершилось:
Не даромъ среди людей явился Богъ;
Къ землѣ недаромъ небо приклонилось,

И распахнулся Вѣчности чертогъ.
 Въ незримой глубинѣ сознанья мірового
 Источникъ истины живетъ не заглушенъ,
 И надъ руинами позора вѣкового
 Глаголь ея звучить какъ похоронный звонъ.
 Родился въ мѣрѣ свѣтъ, и свѣтъ отвергнуть тьмою,
 Но свѣтитъ онъ во тьмѣ, гдѣ грань добра и зла.
 Не властью внѣшнею, а правдою самою
 Князь вѣка осужденъ и всѣ его дѣла.

Вл. Соловьевъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ,
 Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой!...

А. Кольцовъ.

Печальное состояніе современнаго европейскаго міра и современное исканіе путей къ лучшему будущему. — *Свидѣтельство исторіи о христіанствѣ, какъ о единственной и несравнимой исторической силѣ и факторѣ прогресса.* Мѣръ дохристіанскій съ безвѣліемъ обрѣсти благо собственными средствами. — Помощь міру въ лицѣ христіанства. — Евангельскій путь обновленія міра и его сущность. — Благотворное дѣйствіе христіанства въ исторіи: первые вѣка христіанства, какъ доказательство жизненности и могущества христіанской религіи въ смыслѣ общественной силы. — Плоды христіанства въ исторіи и общее его значеніе для европейской цивилизаціи. — *Современное состояніе европейскаго міра и его цивилизація.* Неполнота дѣйствія христіанства въ исторіи въ качествѣ общественной силы. — Общая характеристика „христіанской“ жизни. — Быть европейскій — Европейское общество въ социальномъ-экономическомъ отношеніи; экономическій вопросъ. — Международныя отношенія.

Отличительная черта нашего времени все возрастающее недовольство настоящимъ и напряженное ожиданіе лучшаго въ будущемъ. И дѣйствительно, нѣкоторымъ есть отъ чего придти въ смущеніе и уныніе, — тѣмъ, которые, забывъ Бога, всѣ упованія свои въ устроеніи своей жизни возложили на самихъ себя, на свой разумъ и силу, а въ нынѣшнее время — въ особенности на точную науку. Мы живемъ въ вѣкъ полного расцвѣта этой науки, исключительнымъ господствомъ ея отмѣчается весь XIX вѣкъ и начало новаго XX вѣка, — и что же? Съ возрастаніемъ прикладныхъ знаній замѣтно растеть убыль единого на потребу *знанія истины*, знанія о себѣ, о Богѣ, о смыслѣ жизни; съ возрастающимъ увеличеніемъ нашей власти надъ мертвою природою, надъ мате-

рією и ея силами, наблюдается уменьшеніе власти чело-вѣка надъ самимъ собою, своимъ злымъ „я“, самолюбіемъ; съ размноженіемъ изобрѣтеній и открытій въ области технического знанія, идущихъ навстрѣчу человѣческимъ стремленіямъ къ обладанію земными благами, замѣчается явное уменьшеніе счастья и довольства собою и жизнью: утончаются и осложняются вкусы и ощущенія, безконечно растутъ потребности, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и чувство неудовлетворенности. И эти мнимыя блага немногихъ „счастливецъ“ міра покупаются цѣною пота и слезъ обездоленнаго большинства: наряду съ безстыдною роскошью меньшинства пользующихся плодами науки, замѣчается, развитіе ужасающей бѣдности,—той бѣдности, которая сопровождается невозможностью сколько-нибудь достойнаго человѣческаго существованія чело-вѣка, и граничитъ съ порокомъ... Здѣсь—язва современной цивилизаціи, узелъ всѣхъ золъ, великая угроза будущему европейской цивилизаціи. Фатальною неравномѣрностью распредѣленія благъ цивилизаціи понижается нравственный уровень общаго строя жизни: въ жизни европейца не только нѣтъ счастья, но нѣтъ и правды. Европейскій міръ плохо устроилъ жизнь свою!..

И взоры всѣхъ устремляются въ будущее. Одни ищутъ спасенія въ отреченіи отъ европейской цивилизаціи и „опрощеніи“ или возвращенія къ простотѣ природы (Л. Толстой и его послѣдователи), другіе—въ принудительной организаціи жизни на началѣ равенства и братства, силою внѣшнихъ учрежденій, законовъ, или хоть бы даже силою оружія (соціализмъ разныхъ оттѣнковъ); третьи хотятъ спасти міръ улучшеніемъ чело-вѣческой породы, созданиемъ „сверхчело-вѣка“ путемъ безпрепятственнаго дѣйствія дарвиновскаго начала борьбы за существованіе, безъ вліянія на нее этического начала (Фр. Ницше и ницшеанство); четвертые ждуть спасенія отъ науки и просвѣщенія; пятые возложили всѣ упованія свои на „эволюцію“, „прогрессъ“, „цивилизацию“ и эти и под. абстракціи своего ума „почитаютъ за боговъ, правящихъ міромъ“ (Прем. Сол. XIII, 2)..

Безчисленны проекты спасенія міра, и нѣтъ конца рѣчамъ о путяхъ къ лучшему будущему, царству правды и добра, царству Божію на землѣ! Но все меньше и меньше наблюдается вѣры и въ проекты, и въ хорошія слова среди

утомленныхъ обманами жизни, и широкою волною разливаеся всюду уныніе и безнадежность пессимизма. Гдѣ же спасеніе и выходъ изъ печальнаго положенія вещей, созданнаго европейскою цивилизаціею?—вотъ вопросъ, который серьезно задаетъ себѣ наше время...

Странный вопросъ однако, и странные люди! Блуждаютъ во тьмѣ и жалуются на тьму при сіяніи солнца, сидятъ у многоводнаго источника живой воды и томятся жаждою! Если не называть этихъ людей слѣпыми или чудаками, то нельзя не назвать ихъ забывчивыми и невнимательными къ урокамъ жизни и исторіи.

Вы спрашиваете, гдѣ современному міру спасеніе отъ зла и гибели? Старый вопросъ, на который давно и вразумительно отвѣтила исторія!

Это было въ началѣ христіанской эры. Тогда древній античный міръ, изъ развалинъ котораго возродился европейскій міръ, переживалъ нѣчто подобное тому, что переживается нынѣ, если не худшее. Грозилъ полная гибель древней цивилизаціи, всему вообще дохристіанскому міру, и дѣлалось все возможное для спасенія міра отъ бѣдственнаго состоянія, порожденнаго крайнимъ развитіемъ нравственнаго развращенія людей, упадкомъ вѣры и нравственности. Увы, языческій (да и іудейскій міръ также) не имѣлъ въ себѣ такой силы, изъ которой могло-бы выдти его обновленіе и спасеніе! Двумя средствами располагалъ древній міръ для этой цѣли: *разумомъ* и *закономъ*, и на пути ихъ хотѣлъ спастись. Языческій міръ противопоставилъ нравственному растлѣнію общества философскую проповѣдь истины и добра, и на борьбу со зломъ вышла философія, въ лицѣ стоицизма и циниковъ, возвысившаяся до высокихъ и чистыхъ понятій о добрѣ. Но слово философовъ не было убѣдительно: оно не подтверждалось жизнью проповѣдниковъ (Римл. I, 32) и проповѣдь морали была блестящимъ краснорѣчивіемъ въ концѣ концовъ и упражненіемъ въ риторикѣ. Это было слово немощныхъ въ жизни и въ знаніи истины людей, каковы были тогда всѣ люди,—сыновъ своего времени. Лучшіе изъ нихъ (стоики) оказались со всею своею шаткою мудростью безсильными передъ всею громадою общественнаго зла и могли отвѣтити на него только безсильнымъ презрѣніемъ къ міру и проповѣдью гордаго отъ него отрече-

нія. Исполнилась мечта философа Платона, когда философія въ лицѣ Марка Аврелія взошла на императорскій тронъ; но и такая философія оказалась безсильною спасти погнѣбавшее языческое общество. Оставалось возложить надежды на государство, на силу власти и закона. Тщетная надежда, обманывавшая всегда всѣхъ реформаторовъ и законодателей! Безсиліе закона въ области *личной* морали достаточно обнаружено было іудействомъ, искавшимъ праведности въ усердномъ исполненіи Моисеева закона; безсиліе внѣшняго закона въ области морали *общественной* съ наглядностью показано было римскимъ государствомъ: „Нравственное возрожденіе не могло выйти и изъ государства... Само государство нуждалось въ возрожденіи, чтобы спасти себя отъ окончательнаго распадѣнія, и благороднѣйшіе императоры послѣдняго времени, до Діоклитіана, усиленно искали хотя бы религіозной почвы, на которой могло-бы совершиться это возрожденіе, искали новой связи для совѣсти, которая могла-бы опять скрѣпить распадавшійся организмъ... Чего не доставало римскому государству—это именно той нравственной связи, которая внушаетъ гражданамъ охоту повиноваться законамъ не только изъ принужденія, но и изъ за совѣсти. Ни одно государство не можетъ устоять безъ повиновенія его законамъ; но горе тому государству, которое вынуждено добиваться этого повиновенія принудительными мѣрами... Государство нуждалось въ религии, которая есть его крѣпчайшая основа. Изъ религіозной жизни можетъ выйти обновленіе и государственной жизни, такъ-что она послѣ временнаго падѣнія, можетъ достигнуть новаго процвѣтанія, но никогда наоборотъ государство не можетъ находящимися у него въ распоряженіи средствами обновить религіозную и нравственную жизнь народа“ ¹⁾. Древній міръ былъ въ безвыходномъ положеніи. Все лучшее въ язычествѣ бессознательно искало успокоенія себѣ въ мистическихъ мессіанскихъ ожиданіяхъ спасенія съ неба, широко распространившихся тогда по всему міру съ востока. Въ самомъ дѣлѣ, что оставалось дѣлать еще, какъ не ждать спасенія съ неба?

И спасеніе пришло міру съ неба. Міръ еще объять былъ

¹⁾ Ф. В. Фарраръ. Первые дни христіанства. СПб. 1888, стр. 89.

непрогляднымъ мракомъ духовной ночи богоневѣдѣнія и братоненавистничества, а уже съ неба прогремѣла радостная вѣсть міру о спасеніи, мирѣ и благоволеніи въ человѣкахъ— въ ту первую христіанскую ночь, когда ангелъ въ сіяніи славы Господней возвѣстилъ виллеемскимъ пастухамъ великую радость рождества Христова „и внезапно явилось съ ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: *Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе!*“ (Луки II, 13—14). Слава въ вышнихъ Богу: настало время мира и любви въ человѣкахъ, „и приблизилось царство Божіе“, ибо явился на землѣ Великій Царь мира, Царь царей, въ смиренномъ образѣ Иисуса изъ Назарета Галилейскаго для устроения Своего дивнаго царства; „пришелъ Иисусъ въ Галилею проповѣдуя Евангеліе царствія Божія, и говоря, что исполнилось время, и приблизилось царствіе Божіе; покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе“ (Мр. I, 14—15). Наконецъ, во Христѣ подается свыше помощь міру, погибавшему и со своею философіею, и со всею своею государственною мудростію и силою; надо было только *покаяться*, отречься отъ вѣры въ себя, отъ своихъ безсильныхъ кумировъ, и *увѣровать* въ обновляющую Силу Божію, пришедшую въ міръ въ смиренномъ образѣ Иисуса; а отрехшись отъ себя, во прахъ пасть и преклониться предъ немною немощью этой Силы со всѣми своими силами человѣческими и принести ихъ въ даръ Христу.

Какъ богословіе, такъ и общехристіанское сознание давно констатировали присутствіе въ христіанствѣ такой черты, какою оно рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ другихъ религій и человѣческихъ ученій и которая даетъ ему безспорное и безусловное преимущество надъ послѣдними. Эта особенность заключается въ томъ способѣ, какимъ христіанство разрѣшаетъ всѣ самыя жизненныя задачи земного человѣческаго существованія. Оно не беретъ подъ свою регламентацію всего, что относится къ этой сторонѣ человѣческаго существованія, не спускается, такъ сказать, до данной дѣйствительности, оказывая рѣшительное вліяніе на нее при всемъ этомъ. Христіанство не затрогиваетъ и не рѣшаетъ вопросовъ политики, права, экономіи и пр., ограничивъ область своей компетенціи тою стороною человѣческаго существованія, какою человѣкъ обращенъ къ небу; поэтому оно рѣ-

шааетъ прямо только такъ называемые вѣчные вопросы, оставляя рѣшеніе другихъ свободѣ человѣка; оно занимается непосредственно только душою человѣка, внутреннимъ человѣкомъ, изъ котораго потомъ рождается уже и внѣшній человѣкъ, т. е. подданный, гражданинъ, семьянинъ, собственникъ и т. п. Первая цѣль христіанства—спасеніе и благо души, изъ которыхъ потомъ вырастаютъ и земныя блага (Мѣ. VI, 33). Иисусъ Христосъ пришелъ на землю преобразовать, обновить людей. Есть два пути, ведущіе къ этой цѣли: одинъ путь внѣшній, другой — внутренний. Первый состоитъ въ обнародованіи правилъ, въ установленіи положительныхъ законовъ, въ правительственныхъ распоряженіяхъ, въ рѣшеніи всѣхъ нравственныхъ, политическихъ и экономическихъ вопросовъ на основаніи извѣстныхъ положеній. Это путь внѣшней регламентаціи. Второй — перемѣна ума и сердца. Первымъ путемъ шли и теперь идутъ всѣ, большіе и малые, социальныя и религіозныя реформаторы человѣчества. Но они всегда начинаютъ тѣмъ, чѣмъ кончатъ должно: внѣшнею жизнью человѣка, въ которой раскрывается лишь внутренняя жизнь его. Они занимаются, такимъ образомъ, слѣдствіями, минуя причины. Такъ всегда было и будетъ у людей: причины — не въ ихъ власти; а потому они безсильны и передъ слѣдствіями. Второй путь не по силамъ людямъ; его избралъ Христосъ, и одно это доказываетъ, что Онъ — Богъ. Христосъ не былъ реформаторомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова и, если хотите, Онъ былъ единственный, истинный Реформаторъ.

Иисусъ Христосъ не былъ реформаторомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова: Онъ не далъ людямъ юридическихъ, социальныхъ, экономическихъ и др. законовъ, въ Своемъ ученіи Онъ не касался вопросовъ политики, права и пр., отказываясь иногда прямо входить въ ихъ обсужденіе (Лк. XII, 13 — 15). Какъ смотрѣть на общественное неравенство людей? Какъ должны быть распределены въ обществѣ матеріальныя блага? позволительна-ли собственность? надобно-ли стремиться къ матеріальному уравнию членовъ общества? какъ смотрѣть на рабство? Нормально-ли ограничивать сферу дѣятельности для женщины семьею? Какъ должны быть отношенія власти къ народу? какія формы

власти лучше? и т. п. На всѣ эти и другіе вопросы любопытные не найдутъ прямого отвѣта въ Евангеліи по той простой причинѣ, что его тамъ нѣтъ. Но въ замѣнъ всего этого, въ замѣнъ соціально-политическаго и политико-экономическаго ученія и юридической регламентаціи человѣческой жизни Иисусъ Христосъ сдѣлалъ нѣчто гораздо большее, съ чѣмъ приходитъ и все это Онъ исправилъ и обновилъ умы и сердца людей, Онъ посѣялъ въ нихъ сѣмена новой жизни, заложилъ въ душѣ ихъ начала правды и любви, составляющія внутреннюю основу ихъ внѣшняго состоянія. Отказываясь дать законъ, опредѣляющій внѣшнее общественное положеніе человѣка, Спаситель вмѣсто этого учитъ его смиренію и любви; не высказываясь о великомъ соціальномъ злѣ своего времени, рабствѣ, Онъ предпочитаетъ научить людей братолюбію; избѣгая прямого обсужденія вопроса о собственности и способѣ распредѣленія богатствъ въ обществѣ, Онъ предостерегаетъ вмѣсто того людей отъ любостыжанія и скупости; не регламентируя какими-либо постановленіями земной судъ общества, Онъ вмѣсто этого воспитываетъ въ сердцахъ людей чувства милосердія и кротости. Поступая такимъ образомъ, Онъ достигаетъ безконечно большаго, чѣмъ реформаторы: реформаторы только разсуждаютъ о земномъ человѣческомъ благополучіи, Христосъ даетъ его. „Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и вся сія приложатся вамъ“! (Ев. Мѣ. VI, 33). Въ христіанствѣ „духъ человѣка признается источникомъ общественной, политической и всякой исторической жизни. Возвышеніе человѣческаго сердца, нравственное усовершенствованіе, духовный ростъ личности становятся главною задачею общества; все остальное имѣетъ второстепенное значеніе. „Ищите прежде всего царства Божія и правды Его, а все прочее приложится вамъ, *придетъ къ вамъ само собою*“, говоритъ Евангеліе... Наступленіе этого „царства“ обусловлено нравственнымъ перерожденіемъ человѣка, обновленіемъ всего его внутренняго существа“ ¹⁾).

Удовлетвореніе всѣхъ человѣческихъ стремленій къ луч-

---

¹⁾ *Свяц. Г. Петровъ*. Евангеліе, какъ основа жизни. СПБ. 1902^г, стр. 15. Подчеркнутыя мною слова не содержатся въ Евангеліи и вносятъ въ евангельскій текстъ ему непрінадлежащій оттѣнокъ мысли.

шему будущему несомнѣнно лежить на пути Христовомъ. Иныхъ путей нѣтъ къ нему помимо христіанства.

И этотъ путь оправданъ исторією. Христіанская жизнь первыхъ вѣковъ служить нагляднымъ свидѣтельствомъ того, какую могучею силою обновленія человѣчества явилось въ міръ христіанство и сколько благъ внесло-бы оно въ міръ, если бы жизнь христіанская и далѣе держалась на уровнѣ первыхъ вѣковъ христіанства! Убѣждаешься, что дѣйствительно христіанской вѣрѣ предназначена была побѣда надъ міромъ (1 Іо. V, 4—5) и его зломъ и превращеніе его въ царство Божіе, когда читаешь о произведенныхъ ею быстрыхъ и глубокихъ перемѣнахъ въ людяхъ, въ ихъ взглядахъ, правахъ, характерѣ, отношеніяхъ, во всемъ строѣ жизни. „У насъ“, говоритъ Аѳиганоръ язычникамъ, „вы можете найти невѣждъ, рабочихъ, старыхъ женщинъ, которые, не будучи въ состояніи даже доказать словами спасительнаго вліянія христіанскаго ученія, въ то же время доказываютъ спасительное вліяніе вытекающаго изъ него настроенія дѣлами“. Защитники христіанства постоянно ссылаются на великую и полезную перемѣну, которую оно производило во всѣхъ принимающихъ его. Уже ап. Павелъ не разъ указывалъ въ своихъ посланіяхъ, чѣмъ были христіане до вступленія въ церковь Христову и чѣмъ они стали послѣ вступленія въ нее, и это же преимущество часто выставляютъ и защитники христіанства. „Мы, которые нѣкогда служили похоти“, говоритъ Іустинъ Философъ въ своей второй апологіи, „теперь стремимся къ нравственной чистотѣ. Мы, нѣкогда занимавшіеся волшебствомъ, теперь посвятили себя благому и вѣчному Богу. Мы, нѣкогда болѣе всего любившіе денежную корысть, теперь дѣлимся всѣмъ, что только у насъ есть, со всѣми и раздаемъ каждому нуждающемуся. Мы, которые нѣкогда ненавидѣли и убивали другъ друга, которые не хотѣли принять въ свой домъ никого изъ принадлежащихъ къ чужимъ народамъ, вслѣдствіе различія въ нравахъ, послѣ явленія Христа отнюдь не смущаемся жить съ ними вмѣстѣ. Мы молимся за своихъ враговъ, стараемся убѣдить ненавидящихъ насъ напрасно, чтобы они жили по славному ученію Христа и тѣмъ могли достигнуть радостной надежды и получить все то, что мы ожидаемъ отъ Всемогущаго Бога“ (Фарраръ).

Благотворное вліяніе христіанства на жизнь было такъ велико и очевидно, что даже ослѣвленное ненавистью язычество, напр. въ лицѣ Галена, Цельза и др., не могло не видѣть его. Укажемъ частные примѣры обновленія жизни новою христіанскою религіею.

Обновленіе человѣческаго общества могло начаться только съ семьи, составляющей основу его. Семья въ древнемъ мірѣ находилась въ полномъ разложеніи. Христіанство обновило семью новымъ высокимъ воззрѣніемъ на бракъ, улучшеніемъ положенія женщины въ семьѣ чрезъ превращеніе ея изъ рабыни въ помощницу мужа, признаніемъ за женщиною полнаго человѣческаго достоинства и человѣческой равноправности съ мужчиною. Съ первыхъ же дней христіанства женщины выступили въ церкви Христовой на высокое служеніе ея цѣлямъ наравнѣ съ мужчинами въ качествѣ діаконовъ и мученицъ и заняли одинаковое съ ними положеніе въ отношеніи ко Христу и царству Божію. „Евангеліе впервые предоставило человѣческія права и дѣтямъ. Въ древности они также были совершенно безправны. Отецъ могъ безусловно распоряжаться ими по своему произволу. Онъ могъ принимать ихъ и воспитывать, но могъ также, если только хотѣлъ этого, выбросить и умертвить. Законъ „Двѣнадцати таблицъ“ выразительно признавалъ это право за отцемъ. Платонъ и Аристотель свисходительно смотрѣли на то, если родители выбрасывали дѣтей, которыхъ они не въ состояніи были воспитать, или которые, какъ слабые, больные, не могли быть полезными государству. Тотъ, кто принималъ выброшеннаго такимъ образомъ ребенка, могъ распоряжаться имъ по своему произволу и даже обращать его въ рабство. Отецеская власть надъ дѣтьми была безгранична, простираясь даже на жизнь и смерть ихъ. Христіанство впервые научило родителей смотрѣть на своихъ дѣтей, какъ на даръ Божій, какъ на вѣреннй залогъ, за который они становились отвѣтственны передъ Богомъ“ (Фарраръ). „Не меньшее вліяніе христіанство оказало и на измѣненіе отношенія между господами и рабами... Между тѣмъ какъ у язычниковъ достоинство человѣка цѣнилось по его внѣшнему состоянію, это послѣднее для христіанъ не имѣло никакого значенія, и истинное внутреннее достоинство человѣка было совершенно независимо отъ него. Рабъ или го-

сподивъ—это есть лишь нѣчто случайное. Рабъ можетъ быть по истинѣ, именно внутренно, свободнымъ, а господинъ можетъ быть по истинѣ, именно внутренно, рабомъ. Есть только одно истинное рабство, и именно рабство грѣха, и одна только истинная свобода, именно свобода во Христѣ. Но поэтому именно христіанская церковь совершенно далека была отъ мысли тотчасъ же освобождать рабовъ... Но нельзя сказать, чтобы церковь оставила все въ прежнемъ положеніи. Новое начало внутренно измѣняло и преобразовывало отношенія господъ и рабовъ. Обхожденіе съ рабами со стороны ихъ христіанскихъ господъ и отношеніе христіанскихъ рабовъ къ своимъ господамъ тотчасъ же дѣлались другими. Они смотрѣли на себя какъ на братьевъ, и ап. Павелъ въ посланіи къ Филимону пишетъ о рабѣ его Онисимѣ: „прими его навсегда, не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго“ (15, 16). Между ними, какъ членами церкви, уже не было никакого различія... Передъ рабомъ открывался путь къ ея должностямъ и даже къ должности епископа. Случалось даже такъ, что рабъ былъ пресвитеромъ той же самой общины, къ которой принадлежалъ его господинъ, какъ простой членъ ея. Церковь трудилась надъ обоими классами, какъ рабами, такъ и господами. Рабовъ она убѣщала къ послушанію.... Съ другой стороны, господа были убѣждаемы относиться къ своимъ рабамъ любовительно, съ нѣжностью и кротостью... Худое обхожденіе съ рабами считалось достаточнымъ основаніемъ для отлученія господина... Церковь считала похвальнымъ дѣломъ, если господинъ самъ отпускалъ своего раба. Она благосклонно смотрѣла на освобожденіе. Поэтому освобожденіе случалось часто. Нѣкоторые, обращаясь въ христіанство, освобождали всѣхъ своихъ рабовъ въ самый день крещенія или избирали для ихъ освобожденія какіе-либо торжественные праздники церкви, особенно Пасху, чтобы засвидѣтельствовать о своей благодарности за воспринятую благодать. Объ одномъ богатомъ римлянинѣ времени Траяна разсказывается, что онъ, сдѣлавшись христіаниномъ въ праздникъ Пасхи, даровалъ свободу всѣмъ своимъ рабамъ, которыхъ у него было 1250 человекъ. Съ третьяго столѣтія вошло въ обычай производить освобожденіе рабовъ въ церкви въ присутствіи священника и общины. Господинъ за руку подводилъ ра-

бовъ къ алтарю, тамъ прочитывалась освободительная грамота и въ заключеніе священникъ произносилъ благословеніе. И внѣшнимъ образомъ дѣло становилось такъ, что они должны были благодарить за свою свободу церковь. Она являлась тѣмъ, чѣмъ была, именно хранительницей и раздавательницей свободы“ (Фарраръ). Христіанство на первыхъ же дняхъ измѣнило языческій взглядъ на трудъ и установило правильныя отношенія къ нему. У язычниковъ трудъ считался позоромъ для свободнаго человѣка, а для христіанъ трудъ, освященный примѣромъ самого Господа, возвысился на степень божественнаго установленія и общей для всѣхъ обязанности. „Величайшіе мудрецы древности, Платонъ и Аристотель, объявляли трудъ за нѣчто такое, чѣмъ не могъ заниматься свободный человѣкъ, не увижая себя; апостоль убѣждаетъ, что бы каждый спокойно трудился и ѣлъ собственный хлѣбъ, и категорически поставляетъ правило: кто не работаетъ, тотъ не долженъ и ѣсть. И мы видимъ, что общины руководились этимъ именно правиломъ, изъ котораго затѣмъ и созданъ новый міръ, представившій болѣе величественнаго, чѣмъ сколько видѣли Платонъ и Аристотель“ (Фарраръ). Наконецъ, что бы не говорить о многомъ, достаточно указать на одно, что христіанствомъ съ его началомъ любви и братолюбія порождена была въ самомъ началѣ общинная жизнь, которой такъ не доставало язычеству. „Языческая древность не знаетъ ничего подобнаго христіанской общинѣ. Общинный смыслъ въ древности развивается единственно съ политической стороны. Но политическая жизнь, при своемъ возрастающемъ паденіи, все менѣе давала простора для дѣятельности. Нигдѣ не было больше свободы; всѣ были рабы одного. Въ христіанскихъ общинахъ напротивъ открывался хотя небольшой, но тѣмъ не менѣе живой кругъ, въ которомъ дѣйствительно господствовалъ общинный духъ, въ которомъ всѣ, связанные между собою союзомъ единой вѣры въ братской любви, совмѣстно трудились, молились и страдали. Здѣсь былъ просторъ для всякой дѣятельности, и всѣ силы находили себѣ должное примѣненіе“ (Фарраръ). Чѣмъ могло бы быть человѣческое общество, созданное дѣйствіемъ евангельскаго духа взаимной любви и самоотреченія, нѣкоторое указаніе на это даетъ намъ повѣствованіе книги Дѣяній

Апостольскихъ о первоначальной золотой порѣ христіанскаго общества (III, 42—47; IV, 32—37; V, 1—14). „У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа... Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“... Въ жизни первохристіанскаго общества, вѣрнаго Евангелію, наяву и въ дѣйствительности осуществилось то, о чемъ лучшіе люди всѣхъ временъ могли и могутъ только мечтать. Что мечта и утопія для человѣческой немощи, то дѣйствительность для силы Божіей, дѣйствующей въ Евангеліи.

Христіанство раскрыло мощь свою уже и въ неблагопріятную эпоху гоненій, но возможность воздѣйствія христіанства на общественную жизнь открылась лишь съ провозглашеніемъ правъ христіанской религіи и съ признаніемъ государственнаго значенія за ней. При Константинѣ Великомъ положено было начало христіанскому государству и христіанской культурѣ. Въ законодательствѣ произведенъ былъ рядъ улучшеній и началась созидательная работа христіанскихъ началъ въ области права, такъ существеннымъ смягченіемъ уголовныхъ наказаній была отмѣна крестной казни и раздробленія ногъ, а также гладіаторскихъ игръ въ смыслѣ уголовного наказанія; обращено было вниманіе также на гуманное обхожденіе съ преступниками и содержаніе ихъ въ темницахъ, отмѣнены были законы противъ безбрачныхъ и бездѣтныхъ, запрещено было выбрасываніе дѣтей, облегчалось отпущеніе рабовъ и т. д. Къ несчастью, благотворное дѣйствіе христіанства на общественную жизнь европейскихъ народовъ значительно затормозилась нѣкоторыми обстоятельствами. Важнѣйшее изъ нихъ было оборотною стороною хорошаго дѣла, именно государственнаго признанія религіи на правахъ господствующей. Этимъ обстоятельствомъ открывался доступъ въ церковь чуждымъ ей элементамъ: христіанамъ по рожденію безъ христіанскаго воспитанія, христіанамъ по расчету и многимъ другимъ христіанамъ только по имени. И плевелы съ тѣхъ поръ свободно стали расти вмѣстѣ съ пшеницею, часто и очень часто заглушая ее. Широко разрослось и окрѣпло въ жизни и знаніи ложное христіанство, болѣе вредное христіанству,

чѣмъ явные злѣйшіе враги его... Ростки новой жизни могли лишь медленно пробиваться вверхъ сквозь гущу плевелъ, и потому медленно и съ трудомъ создавалась христіанская культура, въ упорной борьбѣ добраго сѣмени съ плевелами, продолжающейся и понынѣ.

Что же сдѣлано христіанствомъ въ исторіи? Отвѣтимъ кратко на этотъ большой вопросъ. Христіанство, сравнительно съ другими религіями, оказало необыкновенное по своей широтѣ и силѣ воздѣйствіе на всѣ стороны жизни, на отдѣльныя личности и цѣлые народы, почти на всѣ формы общественно-государственной жизни. Съ того времени, какъ Христосъ появился въ міръ, человѣческое общество измѣнилось, и исторія получила новое направленіе. Силою Христа свѣта покорень весь міръ, создана новая эра въ исторіи, человѣчество поставлено на новые пути къ лучшему будущему. Христіанство облагородило человѣчество и всѣ созданія человѣческаго духа; неизгладимый слѣдъ христіанства лежитъ на всемъ—на законодательствѣ, бытѣ европейскомъ, искусствѣ, наукѣ и т. д. Евангеліемъ живутъ и двигаются его духомъ и идеями безсознательно даже и тѣ, которые отрицаютъ его. Многія христіанскія идеи и чувства, и всѣ нравственныя начала, выраженныя въ нагорной проповѣди Иисуса Христа, отчасти и цѣликомъ въ качествѣ непреложныхъ истинъ и руководящихъ нормъ жизни вошли въ умственный и нравственный обиходъ культурнаго человѣчества, создавъ и давая въ немъ все то лучшее, что оно по наивности приписываетъ себѣ,—своей наукѣ, политикѣ, философіи, своему „прогрессу“. Европейская цивилизація несомнѣнно обязана христіанству понятіями о правахъ и достоинствѣ человѣческой личности, идеею братства, равенства, свободы; уничтоженіемъ рабства, семейнаго деспотизма, смягченіемъ военныхъ жестокостей, широкимъ развитіемъ благотворительности и филантропіи и многими другими, часто неуловимыми, вліяніями на право, семейную, общественно-политическую жизнь, науку, искусство, особенно — на литературу, на всѣ стороны жизни.

Христіанствомъ сдѣлано многое въ дѣлѣ общественнаго благоустроенія, но если мы посмотримъ, что еще здѣсь остается сдѣлать ему, то придемъ къ выводу, что творчески-созидательной дѣятельности христіанства въ исторіи поло-

жено только начало, хотя и хорошее. Не все просолено солью христіанскою, не все заквашено имъ въ жизни человѣчества.

Наиболѣе очевиднымъ и для всѣхъ несомнѣннымъ результатомъ дѣйствія христіанства въ жизни является произведенное и теперь совершаемое имъ преобразование въ области личной морали. Христіанствомъ здѣсь созданы такія добродѣтели, чувства и настроенія, которыя неизвѣстны были древнему міру, какъ смиреніе, и нынѣ смѣшиваемое съ униженіемъ людьми языческаго духа, любовь ко врагамъ (не какъ подвигъ и порывъ духа, а какъ постоянный долгъ и прочное настроеніе); въ области духовной созданы формы, для которыхъ въ лучшемъ человѣческомъ лексиконѣ древности не хватало словъ (такъ нѣтъ соответствующихъ въ греч. яз. словъ для христіанскихъ понятій *смиренія, вторы* и др.). Словомъ, христіанствомъ въ исторіи и на нашихъ глазахъ достигается глубокое преобразование и усовершенствованіе личности. Въ этомъ отношеніи христіанство положило начало новому поколѣнію людей и явилось источникомъ возрожденія отдѣльныхъ лицъ, и дѣйствительно, „кто во Христѣ, тотъ новая тварь“... Внутренній духовный міръ человѣка, его нравственное совершенствованіе, спасеніе души единогласно признаны и врагами христіанской религіи, и ея не въ мѣру усердными защитниками не только главною, но и единственною сферою дѣятельности ея, и устройство внутренняго духовнаго міра личности единственною задачею христіанства. Христіанство объявляютъ религіею исключительно личнаго спасенія и отрицаютъ за нею значеніе общественной силы, ставящей себѣ цѣлью преобразование не только внутренняго, но и внѣшняго міра человѣка или общественной среды, отъ которой зависятъ судьбы личности. Забыто евангельское обѣтованіе царства Божія не только внутри душъ пребывающаго, но и внѣ ихъ создаемаго—во внѣшней средѣ или внѣшнемъ мірѣ, гдѣ живетъ человѣкъ! Забыто Господне обѣтованіе намъ и требованіе отъ насъ побѣды надъ міромъ!... Хотятъ, что бы царство Божіе было тайно растущимъ или въ землѣ скрытымъ съменемъ безъ стебля, цвѣтовъ и плодовъ!

Отчего все это случилось? Всѣ подавлены впечатлѣніемъ неравномѣрнаго дѣйствія христіанства въ человѣческой

жизни въ качествѣ начала личной и общественной морали. Христіанство воочію для всѣхъ пересоздаетъ отдѣльныхъ лицъ, но общественная среда остается слегка только затропутою, и несоотвѣтствіе формъ нашей жизни съ производимымъ христіанскою религіею подъемомъ личности есть фактъ постоянный, полный драматизма. Да, есть человѣкъ — христіанинъ, съ христіанскими чувствами, настроеніемъ и волею, но вовнѣ нѣтъ еще вполне пригодныхъ для христіанской личности общественныхъ формъ жизни, общественной среды. Въ концѣ концовъ общественная среда, какъ созданная не христіанствомъ, а чуждыми ему началами, не вполне заквашенная христіанствомъ, является непригодною и несродною его духу стихіею. Вино новое оказывается въ мѣхахъ ветхихъ. Христіанству предстоитъ великая задача довершить свою миссію въ исторіи: вмѣстѣ съ преобразованиемъ личности довершить преобразование обществъ, народовъ, человѣчества, создать истинно-христіанскую цивилизацію, перевести принесенное имъ царство Божіе изъ внутренняго міра лицъ во внѣшній міръ, и преобразованиемъ общества и цивилизаціи въ духъ евангельскихъ началъ создать царство Божіе на землѣ. Въ этомъ смыслѣ царства Божія еще нѣтъ на землѣ; оно идеаль, задача будущаго, мало по малу осуществимая усиліями отдѣльныхъ христіанскихъ лицъ и христіанскихъ обществъ въ ихъ борьбѣ съ царствомъ зла на землѣ. Въ этомъ легко убѣдиться и изъ бѣглаго обзора нашей жизни, жизни въ такъ называемыхъ христіанскихъ государствахъ,—изъ краткаго отчета о томъ, что носитъ названіе христіанской или европейской культуры.

Свѣтъ Евангелія далеко не во всей полнотѣ отражается въ жизни европейскихъ народовъ, именующихся христіанскими. Евангеліе не успѣло еще сдѣлаться дѣйствительною основою всей нашей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, проникнуть въ глубь жизни, всю просвѣтить и преобразовать ее, сдѣлать ее дѣйствительно христіанскою. Жизнь европейскаго „христіанскаго“ міра ничѣмъ не отличается отъ той жизни, какою живутъ и могутъ жить язычники и лишенные всякой вѣры. Скажемъ болѣе, европейская жизнь построена на систематическомъ отрицаніи христіанства на дѣлѣ, официально исповѣдуемаго на словахъ. Наша дѣйствительная жизнь совсѣмъ несогласована съ вѣрою, не на

ней стронся и не ею питається. Наша жизнь проникнута языческимъ духомъ обоготворенія твари, жажды матеріальныхъ благъ съ забвеніемъ Бога, души и неба. Расширеніе територіальныхъ границъ, увеличеніе народнаго богатства и рынковъ сбыта есть высшій идеаль народовъ; матеріальное животное довольство и сытость есть идеаль социализма... Экономическій матеріализмъ все существенное содержаніе исторіи сводитъ къ экономическому элементу и изъ него выводитъ все разнообразіе историческихъ явленій, всю жизнь человечества до религіи включительно. Человѣкъ низведенъ на степенъ фактора производства и одной изъ частей сложнаго механизма народнаго хозяйства. Господство надъ матеріальною природою и примѣненіе природы къ эгоистическимъ потребностямъ человѣка—вотъ главный лозунгъ современнаго прогресса. Въ противоположность Евангелію жизнь человѣка полагается въ изобиліи имѣній, въ увеличеніи благъ земныхъ (Лк. XII, 15). Деньги—вотъ движущій нервъ современной жизни, и культъ золотого тельца—единственный культъ, которому отдаются нынѣ всецѣло, безраздѣльно, безъ остатка. Увеличеніе денегъ—мечта, все и всѣхъ двигающая: деньги эквивалентъ всѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, ключъ ко всѣмъ благамъ земнымъ, ворота въ рай.. И такъ, больше денегъ! Гдѣ-то у М. Горькаго человѣкъ названъ грудой мяса и костей, движимою похотями. Дѣйствительно, современная жизнь не внушаетъ уваженія къ человѣку, и подъ впечатлѣніями ея не трудно придти къ столь безотрадному взгляду на людей... Нравственный уровень современной жизни рисуется чрезвычайно низкимъ въ отличительной проповѣди, періодической прессѣ, статистикѣ, художественной литературѣ. Печальный фактъ рѣзкаго несогласія жизни среди христіанскихъ народовъ съ христіанскою вѣрою сознается всѣми. Жизнь наша остается языческою и мы оправдываемъ своею жизнью укорищенное наименование „крещеныхъ язычниковъ“, въ Христвѣ крестившихся, но еще не облекшихся въ Него... „Вмѣсто заботливаго проведенія въ жизни нашего общества христіанскихъ началъ, мы, сознаются сами христіане, сплошь и рядомъ замѣчаемъ въ ней обычаи, напоминающіе языческую старину... Вотъ ходячія правила житейской морали, которыя являются руководственными началами въ жизни и дѣятельности боль-

шинства современныхъ христіанъ. Такъ, въ наше время не вмѣняется въ грѣхъ повредить кому либо въ успѣшномъ веденіи дѣла, злословить ближняго за глаза, или и въ глаза посмѣяться надъ нимъ, но такъ тонко, чтобы онъ не могъ требовать удовлетворенія за обиду, хотя бы и больно чувствовалъ ее. Въ глаза злорадствовать несчастному считается безчеловѣчнымъ, а созидать благополучіе на его несчастіи—только умѣняемъ пользоваться обстоятельствами. Открыто выхваляютъ себя, возглашаютъ во всеуслышаніе о своихъ преимуществахъ и правахъ на высшее внѣшнее положеніе рѣдкій изъ насъ рѣшается; но всякій не прочь достигать этого положенія разными темными и кривыми путями, при сдѣлкахъ съ совѣстью, попирая правду, измѣняя ближнимъ въ довѣрїи, любви, дружбѣ или просто добромъ знакомствѣ. Среди насъ рѣже и рѣже встрѣчаются цѣлостныя христіански-настроенныя натуры, сохранившія себя неоскверненными отъ міра. Въ своихъ добрыхъ дѣлахъ мы на большую половину злы и лишь на меньшую добры. Благотворенія наши имѣютъ цѣлью не столько благо ближняго, сколько наше собственное прославленіе. Похвалы наши растворены лестію, любовь—угодничествомъ“ и т. д. (изъ одного духовнаго журнала). „Тертуллианъ съ увѣренностью ссылается на суды, въ которыхъ въ его время ни одинъ христіанинъ не осуждался за какое-либо другое преступленіе, кромѣ честнаго исповѣданія себя христіаниномъ. Кто не знаетъ, что въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ такого преступленія, которое бы не совершалось современными псевдо-христіанами при самыхъ возмутительныхъ, отягчающихъ вину обстоятельствахъ и что, если въ чемъ ихъ заподозрить невозможно, такъ это въ томъ, что они вѣрятъ во Христа и хотятъ жить по вѣрѣ; всѣхъ, всѣхъ ихъ: отъ судьи, отрицающаго свободу воли въ подсудимомъ, до подсудимаго, служащаго молебны, ставящаго свѣчи угоднику и осѣняющаго себя крестнымъ знаменіемъ для удачі преступленія“ ¹⁾. „Христіанская жизнь

---

¹⁾ Н. Н. Неплюевъ „Что есть истина“? Лейпцигъ 1893 (= Полнаго собранія сочиненій т. I, СПб, 1901). Далѣе въ цитатахъ этого замѣчательнаго сочиненія мы будемъ ограничиваться лишь указаніемъ автора. Въ IX-ой главѣ надѣюсь поговорить особо о воззрѣніяхъ по нашему вопросу въ

была изумительно цѣльною жизнію, говоритъ Фарраръ, приводя слова Тертулліана. Никогда христіанинъ не былъ чѣмъ либо другимъ, какъ именно христіаниномъ. Не только въ церкви, но и въ домѣ, въ должности, на улицѣ—христіане старались показать себя христіанами. Съ необычайною заботливостію остерегались они всякаго соприкосновенія съ язычествомъ; съ нѣжнѣйшею совѣстливостію избѣгали они всего, что могло бы показаться отрицаніемъ ихъ христіанской вѣры. Теперь христіанинъ *никогда* ¹⁾ не бываетъ христіаниномъ; не только въ должности, на улицѣ, у себя дома, но даже и въ церкви христіане рѣдко вспоминаютъ о томъ, что они христіане, о томъ, чѣмъ долженъ быть, какъ долженъ жить христіанинъ. Каждое слово, каждый шагъ современныхъ псевдо-христіанъ есть явное отреченіе отъ Христа и Его ученія“. (Неплюевъ). Во всемъ строѣ мысли и чувствъ, въ способѣ мыслить и чувствовать, въ ходячихъ житейскихъ понятіяхъ, обычаяхъ, во всемъ укладѣ своей жизни домашней и общественной, въ семейной обстановкѣ у домашнего очага, въ приѣмахъ и выѣздахъ, радостяхъ своихъ и горестяхъ, въ развлеченіяхъ, играхъ, „дѣлахъ“ и занятіяхъ досуга, въ устройствѣ домашней обстановки, украшеніи дома, въ ѣдѣ, платьѣ, снѣ и т. д. большинства современныхъ христіанъ ничѣмъ не отличишь отъ язычниковъ. Даже въ праздникахъ своихъ христіанинъ культурныхъ слоевъ общества не бываетъ христіаниномъ. Къ чему сводятся величайшіе праздники Рождества Христова и Пасхи для живущихъ въ полномъ отрѣшеніи отъ православной церкви и небывающихъ въ храмѣ? Къ нелѣпымъ и суетнымъ визитамъ, къ елкѣ съ другими къ ней прибавленіями, къ пасхальному столу съ куличемъ, пасхою, яйцами и другими приложеніями...

Однимъ словомъ, весь европейскій *бытъ* въ широкомъ смыслѣ этого слова, обнимающій жизнь семейную, общественную и государственную, во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ

сочиненіяхъ Н. Н. Неплюева, этого благороднѣйшаго поборника христіанской идеи преобразованія общества въ духъ Евангелія, организациі жизни на евангельскомъ началѣ братолюбія, или—идеи царства Божія, которой онъ служитъ горячимъ своимъ словомъ.

¹⁾ Рѣдко?...

семья, бракъ, воспитаніе, школа, политика, способы добыванія и распредѣленія средствъ жизни, право, судъ, наука, искусство, пресса, торговля, промышленность, литература и прочее,—все это далеко еще не запечатлѣно и не проникнуто духомъ христіанскимъ, не согласовано съ требованіями Евангелія. Государство, наука, литература, искусство, эти важнѣйшія вспомоگательныя орудія строенія царства Божія на землѣ, часто не только не содѣйствуютъ осуществленію царства правды и добра, но служатъ царству зла на землѣ, вступаютъ въ союзъ съ княземъ міра сего противъ Бога и Христа Его...¹⁾ Въ поясненіе этого общаго положенія остановимся только на *соціально-экономическомъ вопросѣ* (способъ добыванія и распредѣленія средствъ жизни), на *международныхъ отношеніяхъ* и на *государствахъ* въ ихъ отношеніяхъ къ церкви.

Способъ добыванія, распредѣленія и сохраненія средствъ жизни есть самое больное мѣсто, язва современной цивилизаціи, называемая *капитализмомъ*. Капитализмъ—это глухая стѣна, о которую вдребезги разбивается „прогрессъ“ съ стремительнымъ движеніемъ его по пути къ земному матеріальному счастью и, по крайней мѣрѣ, съ его мечтами о послѣднемъ. Капиталистическимъ строемъ европейской жизни вызывается ярко бьющее въ глаза всѣмъ зло чрезвычайно широкаго развитія бѣдности и нищеты параллельно съ богатствомъ и роскошью. Весь ростъ матеріальнаго прогресса или богатства уходитъ лишь на образованіе непомѣрно

---

¹⁾ Отсылаемъ читателей къ подробной критикѣ современной культурной жизни съ христіанской точки зрѣнія въ сочиненія *Н. Н. Неплюгова* „Что есть истина?“, отд. II: *Жизнь по обычаю міра сего*, съ трактатами: „Государства“ (съ подзаголовками: законы, конституція, парламенты, войска, благотворительность, семья, бытъ), „Наука“ (съ подзаголов.: низшая школа, гимназія, университетъ, юристы, политико-экономы, статистики, естественники), „Литература“ (дѣтская и народная, журналы и газеты, духовная литература, научная литература, беллетристика, поэзія), „Искусство“ (живопись, музыка, церковное пѣніе, опера, оперетка, романсы, инструментальная, музыка), „Хлѣбъ“ (работѣ, служащіе, капиталисты стр. 216—250), „Зрѣлища“ (*калейдоскопы физическіе*: пища, одежда и жилище, развратъ, куреніе; *калейдоскопы умственные*: трагедія, комедія, карты; *калейдоскопы нравственные*: ханжество, игрушечнаго дѣла филантропія), „Хаосъ жизни“ (ребенокъ, юноша, скотоподобный человекъ, поклонники разума, безсознательные и сознательные христіане).

огромныхъ состояній или концентраціи земныхъ благъ въ рукахъ меньшинства отдѣльныхъ лицъ съ таковымъ же параллельнымъ обѣднѣніемъ большинства другихъ,—на увеличеніе контраста между богатствомъ и бѣдностью, изобиліемъ и нуждою. „Въ шумныхъ столицахъ, на улицахъ, залитыхъ асфальтомъ и озаренныхъ электрическими солнцами, мы, какъ и вездѣ, встрѣчаемъ истомленные, хмурыя, злобныя лица. Среди наибольшаго скопленія богатства люди умираютъ съ голода, и болѣзненные дѣти сосутъ изсохшія груди своихъ матерей“ (Генри Джорджъ).

Невозможно въ немногихъ словахъ изобразить сполна всю ненормальность капиталистическаго строя жизни и его дурныя стороны; довольно ограничиться главнымъ.

При идеальномъ порядкѣ вещей, въ обществѣ, основанномъ на христіанскихъ началахъ правды и любви, пріобрѣтеніе средствъ жизни естественно осуществлялось бы путемъ дружной совмѣстной дѣятельности, основанной на взаимномъ уваженіи, довѣрїи и любви, а не звѣрскою борьбою за существованіе, основанною на хитрости, обманѣ, насилїи, враждѣ, гдѣ каждый пріобрѣтаетъ хлѣбъ свой на свой страхъ при абсолютной непримиримости взаимныхъ интересовъ ¹⁾. „Отношеніе между рабочими и работодателями основывается прежде всего только на оцѣнкѣ физической рабочей силы человѣка. Но это внѣшнее отношеніе, дѣлающее человѣка лишь живой машиной и низводящее его на степень предмета, должно быть возвышено до степени нравственнаго отношенія, посредствомъ котораго между ними завязывается связь личнаго интереса... Какъ этотъ личный интересъ найдетъ себѣ выраженіе затѣмъ и во внѣшнемъ порядкѣ вещей,—это уже вопросъ второстепенный. Главная суть дѣла въ самомъ личномъ интересѣ. Разъ будетъ установлено между обоими сторонами извѣстное сердечное отношеніе, то найдутся и тѣ пути, на которыхъ можетъ найти себѣ удовлетвореніе и этотъ дѣйствительный интересъ“ ²⁾. Въ настоящее же время пока интересы капитала и труда,

¹⁾ Совмѣстное добываніе хлѣба насущнаго, говорятъ, предполагается прошеніемъ молитвы Господней: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“,—употребленіемъ здѣсь словъ „нашъ“ и „намъ“...

²⁾ Хр. Э. Лотардтъ: Апологія христіанства Спб. 1892, стр. 502, 503.

наимателей и рабочихъ враждебны между собою. „Выгода капитала требуетъ, чтобы, при наименьшихъ затратахъ на производство, капиталъ давалъ наибольшій процентъ: одна изъ главныхъ затратъ при всякомъ производствѣ—вознагражденіе наемниковъ; всякій практичный дѣлецъ найдетъ разумнымъ стремиться по возможности уменьшать и число, и вознагражденіе наемниковъ; первое достигается при помощи техническихъ усовершенствованій, этихъ пресловутыхъ „плодовъ великихъ подвиговъ человѣческаго ума“, благодаря которымъ производства требуютъ все меньшее и меньшее число рабочихъ рукъ, замѣняя ихъ механическою работою машинъ, этихъ чудовищъ, которыя при христіанскомъ строѣ могли бы, сокращая потерю времени на трудъ физическій, доставить возможность человѣчеству удѣлять болѣе времени на жизнь духа, а теперь, при капиталистическомъ строѣ жизни, способствуютъ только выгодамъ капитала и нарастанію пролетаріата. Уменьшеніе заработной платы находится въ прямой зависимости отъ степени народной нужды; чѣмъ народъ бѣднѣе, чѣмъ безвыходнѣе его экономическое положеніе, тѣмъ выгоднѣе для капиталиста, тѣмъ ничтожнѣе вознагражденіе, за которое онъ можетъ пользоваться рабочимъ трудомъ“ (Неплюевъ). Такимъ образомъ солидарность враждебныхъ интересовъ явно невозможна, и въ общемъ капиталистической строй есть дѣйствительно „звѣрскій рукопашный бой“. Здѣсь, въ фатальномъ антагонизмѣ капитала и труда, лежитъ ахиллесова пята капитализма, корень всѣхъ золъ его, главнѣйшія изъ которыхъ — возрастаніе пролетаріата и озлобленіе нищеты противъ богатства. Озлобленіе растетъ и растетъ и угрожаетъ великими осложненіями для европейской цивилизаціи. „Колоссальныя стачки, уличныя побоища, разгромы промышленныхъ и торговыхъ заведеній, динамитные взрывы, застрачиванія и аграрныя преступленія—все это становится обыденными, нормальными явленіями экономической жизни современной капиталистической цивилизаціи“ (Неплюевъ). „Наша цивилизація представляетъ чудовищную разницу въ дѣлѣ осуществленія комфорта жизни путемъ великихъ открытій въ области прикладныхъ знаній и въ дѣлѣ осуществленія справедливости путемъ водворенія въ жизни болѣе правильнаго распредѣленія богатствъ. По мѣрѣ роста цивилизаціи и комфорта богатыхъ

классовъ устанавливается все большая пропасть между общественными классами, человѣчество приходитъ къ большому разьединенію, все къ большому разномыслию по вопросу о томъ, какъ помочь горю, какъ примирить враждебныя права, гдѣ право, въ чемъ справедливость; растутъ съ тѣмъ вмѣстѣ и взаимное ожесточеніе, растутъ въ душахъ людей злоба, мрачная, сознательная злоба, худшая наивной злобы голоднаго звѣря, готоваго успокоиться и благодушно помириться при первой подачкѣ“¹⁾. Таковы социальныя послѣдствія капитализма; что же касается вредныхъ послѣдствій его нравственныхъ для обѣихъ сторонъ, то нѣсколько уже они очевидны изъ сказаннаго, въ частности же—неисчислимы. Главное зло въ капиталистическомъ способѣ добыванія средствъ жизни заключается въ извращеніи труда и въ низведеніи его на степень притупляющей личность каторжной муки. Въ политической экономіи человѣкъ (рабочій) трактуется какъ „мертвая рабочая сила, составляющая только одинъ изъ многихъ факторовъ выгоднаго производства“ (Неплюевъ), а не живая и разумная душа, носящая въ себѣ образъ и подобіе Бога. Человѣкъ низводится на степень живой машины, даже части машины, становится орудіемъ и слугою машины²⁾. „Какъ стадо барановъ, представители труда загнаны нуждою на фабрики и заводы, эти чудовищныя лабораторіи мишурны цивилизаціи, и притупляютъ себя въ теченіе цѣлой недѣли, прилагая свою рабочую силу къ одной изъ тѣхъ изумительно однообразныхъ и малыхъ работъ, на которыя, казалось-бы, немислимо обречь себя разумному существу“ (Неплюевъ). „Когда человѣкъ не можетъ поддерживать своего существованія, или когда для поддерживанія своего существованія онъ долженъ тратить столько силъ и столько времени, что у него не остается ихъ достаточно для заботъ о своемъ человѣческомъ, умственномъ и нравственномъ совершенствованіи,—такое положеніе прямо противно человѣческому достоинству; здѣсь человѣкъ перестаетъ быть цѣлью для себя и другихъ, стано-

¹⁾ Н. Н. Неплюевъ. „Къ лучшему будущему“ (Полн. собр. соч. Спб. 1902, т. III, стр. 8—9).

²⁾ M. G. Valbert. L'âge des machines. (Revue de deux Mondes 1889, 1—r. uin).

вится только матеріальнымъ орудіемъ экономическаго производства наравнѣ съ бездушными машинами. А такъ какъ нравственный принципъ безусловно требуетъ, чтобы мы во всѣхъ и каждомъ уважали человѣческое достоинство, на всѣхъ и каждого смотрѣли какъ на цѣль, а не какъ на средство только, что общество, желающее имѣть нравственную основу, не можетъ быть равнодушно къ такому положенію кого-либо изъ своихъ членовъ. Его прямая обязанность обезпечить всѣмъ и каждому нѣкоторый минимумъ благосостоянія, именно то, что необходимо для поддержанія достойнаго человѣческаго существованія¹⁾. „Какъ это сдѣлать—это уже, добавляетъ нашъ философъ, вопросъ не нравственности, а экономической политики“. Позволимъ себѣ здѣсь не согласиться съ почтеннымъ философомъ. Все предшествующее приводитъ насъ наоборотъ къ неотразимому выводу о несостоятельности именно политической экономіи въ дѣлѣ устраненія экономическаго зла или капиталистическаго строя и о необходимости возложить здѣсь упованія на иные факторы общественной жизни, на улучшеніе нравственности, усиленіе любви въ людяхъ. Вопросъ этотъ есть именно нравственный вопросъ прежде всего, а не политико-экономическій, по крайней мѣрѣ нравственный болѣе, чѣмъ политико-экономическій. Въ этомъ лучше всего убѣдимся, когда разсмотримъ, чѣмъ порожденъ капитализмъ. Сводя этотъ вопросъ къ болѣе простому, искони всѣхъ занимавшему, вопросу, мы, другими словами, должны рассмотреть причины слишкомъ неравнаго распредѣленія матеріальныхъ благъ между людьми или контраста богатства и бѣдности.

Разсматриваемое явленіе несомнѣнно есть зло. Политико-экономическая наука, проникнутая духомъ детерминизма и дарвинизма, оправдываетъ, какъ неизбѣжность, различныя проявленія въ обществѣ нравственнаго зла законами социальной эволюціи, въ томъ числѣ — капитализмъ съ порождаемымъ имъ контрастомъ богатства и бѣдности. Экономическое зло вызывается роковыми, желѣзными законами экономической борьбы, свободной конкуренціи, торговаго рынка и т. п. „фигцій, за которыя спрятавъ роковые плоды желѣзныхъ законовъ жестокаго сердца“... (Не-

¹⁾ *Владимиръ Соловьевъ*. Оправданіе добра. Спб. 1897, стр. 357—358.

плюевъ). Таковъ отвѣтъ науки, едва-ли способный удовлетворить здравый смыслъ и не совсѣмъ заглухнувшую совѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, не возводятся-ли здѣсь на степень законовъ и нормъ жизни явленія ненормальныя, порождаемая отрицаніемъ нравственнаго закона, въ силу раболѣпнаго преклоненія точной науки передъ фактомъ? Не выдается-ли за естественный законъ или за то, что должно быть, то, что есть? Познавательную способность свою ученые направили на изученіе созданнаго эгоизмомъ хаоса жизни и отношеній. „Вмѣсто того, что бы изучать со словъ Божественнаго Откровенія то, что должно быть, они изучаютъ путемъ научныхъ наблюденій то, что есть; вмѣсто того, что бы передъ зеркаломъ причесаться, они изучаютъ въ зеркалѣ законы своей растрепанности и при этомъ неизмѣнно признаютъ свою растрепанность за естественныя законы природы и воплѣтъ нормальныя явленія. Сумбуръ получается невообразимый; они констатируютъ рядомъ, какъ равноправныя явленія жизни, и разумную съ ихъ точки зрѣнія борьбу за существованіе, и неразумную дѣятельность, основанную на безсмысленномъ для нихъ чувствѣ альтруизма“ (Неплюевъ).

Крайности вездѣ сходятся. Невѣріе сходитя въ оправданіи зла съ ревностью о вѣрѣ, не въ мѣру усердною. Именемъ религіи и Божественнаго Провидѣнія освящаютъ нерѣдко, какъ благо, рѣзкое дѣленіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ. Въ объясненіяхъ своихъ, почему Промыслъ Божій допускаетъ между людьми бѣдность наряду съ богатствомъ, богословы и моралисты проповѣдники склонны заходить иногда очень далеко, — до узаконенія зла въ обществѣ, какъ дѣла Божьяго. Неравенство имущественное, говорятъ, порождается не эгоизмомъ, главнымъ образомъ, но различіемъ тѣлесныхъ и духовныхъ качествъ людей, какъ всѣ другія неравенства. Это неравенство, значитъ, неизбежно. Но оно не только неизбежно, оно — болѣе, чѣмъ терпимое зло: это неравенство — добро. Оно возведено Богомъ въ законъ жизни, и Богъ не благоволилъ отмѣнить его. Израилю Богъ сказалъ: *нищіе всегда будутъ въ землѣ твоей* (Втор. XV, 11), а Самъ Христосъ сказалъ: *нищихъ всегда имѣйте съ собою* (ев. Іо. XII, 8). Въ концѣ концовъ — бѣдность отъ Бога, по Писанію: „богатый и бѣдный встрѣ-

чаются другъ съ другомъ; того и другого создалъ Господь (Притч. XXII, 2). Какая польза контраста богатства и бѣдности? 1) Безъ неравенствъ въ обществѣ жизнь была-бы пуста, скучна и однообразна, какъ скучный однообразный ландшафтъ. 2) Бѣдные, потерявшіе свое имущество, служатъ для богатыхъ непрестающею проповѣдью о тлѣнности всего земного... (Не звучитъ ли рѣчь эта черствымъ равнодушіемъ?). 3) Только раздѣленіемъ общества на богатыхъ и бѣдныхъ обусловлена возможность труда, а съ ней — культуры, ибо невозможно одному и тому же человѣку въ одно и то же время пахать землю, плотничать, торговать и т. д., невозможно раздѣленіе труда. Если-бы люди не раздѣлялись на богатыхъ и бѣдныхъ, то общества распались-бы и узы, соединяющія людей, прервались-бы. Но теперь богатый нуждается въ бѣдномъ, а бѣдный въ богатомъ: богатому нужны руки бѣднаго и его голова, а бѣдному — деньги богатаго... (Жизнь далека отъ такой идилліи раздѣленія труда, ибо здѣсь на долю однихъ выпадаетъ трудъ, а на долю другихъ выгоды его; говорить же о привлекательности узъ, соединяющихъ бѣдныхъ и богатыхъ, невозможно...). 4) Бѣдные нужны для богатыхъ для спасенія ихъ душъ путемъ упражненія въ благотворительности, помощи имъ, которую богатые могутъ приобрести вѣчныя блага въ обмѣнъ на временныя; въ свою очередь богатые нужны бѣднымъ, что бы помогать имъ (но лучше, если-бы поводовъ къ тому не было)... Такъ богатый существуетъ ради бѣднаго и бѣдный ради богатаго, что бы трудиться для него, молиться за него, если не можетъ иначе отплатить за полученныя благодѣянія...—Невозможно послѣ этого и представить болѣе мудрое устройство отношеній между людьми, послѣ грѣхопаденія людей введенное Богомъ, дѣлающимъ и изъ зла добро...

Конечно, Богъ и зло направляетъ къ добру, но Онъ не творитъ самаго зла, и не отъ Него исходитъ рѣзкое дѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ. Откуда же оно? Каково дѣйствительно христіанское воззрѣніе на этотъ предметъ? Какъ Евангеліе относится къ социально-экономическому вопросу, къ собственности, богатству и бѣдности? Вообще, какъ должно смотрѣть на капитализмъ съ христіанской точки зрѣнія?

Существуютъ до крайности противоположныя мнѣнія по вопросу объ отношеніи Евангелія къ социальному вопросу.

Одни особенностью Евангелія объявляютъ полное безразличіе въ его отношеніи къ всѣмъ вопросамъ земного существованія, ограничивая царство Божіе сферою только внутренняго духовнаго міра. По ихъ мнѣнію, „Евангеліе лежитъ выше вопросовъ земного развитія, предметомъ его попеченій служатъ не вещи, а души людей“ (проф. А. Гарнакъ). Другіе, наоборотъ, отводятъ слишкомъ большое мѣсто въ Евангеліи вопросу о собственности и сводятъ къ нему все существенное содержанія Евангелія. Евангеліе превращается здѣсь въ социальную доктрину, а Основатель христіанства объявляется однимъ изъ величайшихъ социальныхъ реформаторовъ въ исторіи человечества. По однимъ, социальная программа достигается евангельскою проповѣдью всеобщей нищеты и основаніемъ царства небснаго, „царства нищихъ“. По другимъ, наоборотъ, Евангеліе явилось великимъ социальнымъ благовѣстіемъ для всѣхъ бѣдныхъ и обездоленныхъ людей, проповѣдью социального равенства, социализмомъ во всѣхъ его отгѣнкахъ включительно до коммунизма съ его отрицаніемъ частной собственности.

Не было заблужденій, которыя не становились-бы подъ знамя Евангелія. Ничего удивительнаго нѣтъ, если дѣлаетъ это и социализмъ. Для социалистовъ — Христосъ социалистъ, коммунистъ, основатель общества, построеннаго на коммунистическихъ началахъ абсолютнаго равенства и отрицанія частной собственности; христіанская церковь апостольской эпохи—типичное воплощеніе идей Христа, исполненіе Его социальной программы (Фр. Мерингъ, Энгельсъ, Каутскій и др.). Въ концѣ концовъ, христіанство въ социализмъ выводится изъ политико-экономическихъ и общественныхъ условій и отношеній временъ Христа и отождествляется съ своего рода общественнымъ движеніемъ, развившимся на почвѣ римскаго павперизма и нашедшимъ себѣ выразителя въ лицѣ Иисуса изъ Назарета, собравшаго подъ знаменемъ Своего гуманнаго ученія всѣхъ труждающихся и обремененныхъ земли ¹⁾.

¹⁾ Желающихъ ознакомиться съ воззрѣніями социализма на христіанство и съ литературою вопроса объ отношеніи христіанства къ социальному вопросу охотно отсылаю къ сочиненію нѣмецкаго ученаго *Германа Кэлера* „Соціалистическія заблужденія въ ученіи о происхожденіи хри-

На теоріяхъ социализма еще лишній разъ дается наглядное доказательство того, что ключъ къ пониманію христіанства хранится въ основной его идеѣ царства Божія; съ точки зрѣнія этой идеи, раскрытой нами во второй главѣ, просто и ясно разрѣшается сложный вопросъ объ отношеніи Евангелія къ собственности и къ неравному ея распредѣленію среди людей въ обществахъ. Не съ соціальною программою преобразования внѣшняго міра или внѣшней среды, какъ видѣли, а съ проповѣдью царства Божія, съ цѣлью прежде всего устроенія внутренняго міра, обновленія самой души человѣка Христосъ явился на нашу грѣшную землю. Царство Божіе—вотъ въ чемъ сущность и цѣль дѣла Христова, и все существенное содержаніе Евангелія! Все прочее ставится въ подчиненное отношеніе къ Царству Божію, какъ средство къ цѣли, какъ низшее къ высшему. Духовное, вѣчное, внутреннее выше матеріальнаго, временнаго, внѣшняго; душа больше пищи, небо—земли, а Богъ — превыше всего. Ничто низшее не отрицается, но ставится въ служебныя отношенія къ главному—царству Божію и правдѣ Его (Мѣ. VI, 33). Только въ связи съ царствомъ Божіимъ и въ отношеніяхъ къ нему все земное, въ томъ числѣ и внѣшнее общественное, экономическое положеніе человѣка получаетъ опредѣленную цѣну и значеніе, т. е. становится или хорошимъ, или дурнымъ. Богатство и бѣдность добра, если не мѣшаютъ участію въ царствѣ Божіемъ и нужны для него: но они—зло, если пребываніе въ нихъ соединено съ ущербомъ для души, для царства Божія. Евангеліе чаще всего порицаетъ богатство, но не какъ состояніе, которое само по себѣ безусловно съ нимъ несовмѣстимо, а какъ такое состояніе, которое опасно для духовнаго блага большинства людей. Богатство затрудняетъ намъ путь въ царство Божіе

стіанства и ихъ опроверженіе“ (*Herm. Köhler. Sozialistische Irrlehren von der Entstehung des Christentums und ihre Widerlegung. Leipzig 1899, особ. pp. 65—54*). Справедливо исходная точка для критики теорій социализма указывается здѣсь въ коренной евангельской идеѣ царства Божія — и что „одна эта идея сама по себѣ уже достаточна для того, чтобы обезпечить христіанству независимость его въ его внутреннѣйшемъ существѣ отъ какихъ либо экономическихъ причинъ и свойственную ему оригинальность“... Сочиненіе Келера достойно перевода на русскій языкъ.

(Мѣ. XIX, 23—26), ибо оно обычно соединяется у большинства людей съ забвеніемъ Бога, ближняго, съ пристрастіемъ къ міру, съ корыстолюбіемъ и сердечнымъ очерствѣніемъ, съ гордостью и тщеславіемъ. Богачи живутъ въ чаду одуряющей лести и низкопоклонства, въ душевой атмосферѣ ничтожныхъ интересовъ, мелкихъ дѣлъ и дѣлишекъ, въ соприкосновеніи съ изнанкой и грязью жизни... Для огромнаго большинства богатыхъ такъ же неудобно войти въ царство Божіе, какъ верблюду пройти сквозь игольные уши... Точно также бѣдность получаетъ свое значеніе лишь въ ея отношеніи къ царству Божію. Для кого бѣдность облегчаетъ путь къ царству Божію, для того она—добро и *долгъ*, но она великое зло для средняго большинства людей, которымъ не подъ силу подвигъ борьбы съ нуждою и страданіями. Евангеліе не можетъ восхвалять и считать желательною бѣдность на той ея ступени, гдѣ въ заботахъ о кускѣ хлѣба забываются Богъ и душа, гдѣ душа ожесточается, тушѣеть... Великое зло бѣдность на той ея ступени, гдѣ человѣкъ не можетъ жить истинно-человѣческою жизнью, дичаетъ, теряетъ свой человѣческій обликъ! Евангеліе не называетъ чернаго бѣлымъ, а бѣлаго—чернымъ. Страданіе и нужда остаются для него страданіемъ и нуждою, а бѣдность есть одно изъ рѣзкихъ проявленій человѣческой нужды и страданія. Евангеліе—царство жалости и любви, гдѣ отношенія къ людямъ и вещамъ опредѣляются не идеями, а сердцемъ. Ему несвойственъ ригоризмъ узкосердечныхъ человѣческихъ доктринъ и теорій: на слезу бѣдности оно отвѣчаетъ состраданіемъ и жалостью, дѣятельною любовью, а не холоднымъ резонерствомъ и рѣчами о терпѣннн. Въ общихъ отношеніяхъ Господа Иисуса Христа къ человѣческому горю, нуждѣ, страданіямъ ясно выступаетъ, въ частности, и Его воззрѣніе на бѣдность. Бѣдность, обрекающая на голодъ, униженія и т. п. страданія, не можетъ быть желанною для людей въ глазахъ Того, Кто всю жизнь Свою посвятилъ служенію людей, облегченію ихъ немощей и страданій (Мѣ. IX, 35—36; VIII, 16—17; IV, 23—25; Мр. I, 41; Д. Ап. X, 38). Кто напиталъ дважды хлѣбомъ голодныхъ въ пустынѣ, дѣлился скудными Своими средствами, составлявшимися изъ подаяній, съ нищими; Кто научилъ молиться насъ и о хлѣбѣ, требуя лишь, что бы мы искали жизни не

въ одномъ хлѣбѣ тѣлесномъ, Тотъ не могъ объявить бѣдность состояніемъ желаннымъ во царствіи Своемъ. Голодная смерть, массовыя заболѣванія отъ голода, слабый крикъ умирающихъ съ голоду невинныхъ младенцевъ—всему этому нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ властно царствуетъ законъ евангельской любви и Христосъ царитъ въ сердцахъ людей. Христианство не можетъ одобрять того, что порождаетъ такое зло, что такъ рѣзко отрицаетъ и въ ничто превращаетъ основной законъ Евангелія. „Несомнѣнно, что христианство враждебно капитализму и что царствіе Божіе на землѣ — ликвидація капиталистическаго строя“ (Неплюевъ).

Ясный и простой отвѣтъ христианства о причинахъ экономическаго зла данъ въ притчѣ о любостяжательномъ богачѣ. „Что мнѣ дѣлать?“ разсуждалъ одинъ богатый чловѣкъ, получившій такой богатый урожай хлѣба, что его дѣвать некуда было. „И сказалъ: вотъ, что сдѣлаю: сломаю житницы мои, и построю бѣльшія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ?“ (Лк. XII, 16—20). Стремленіе къ неограниченному накопленію собственности, ненасытная жадность пріобрѣтенія безъ конца, болѣе того, сколько нужно, или любостяжаніе—это жизненный нервъ богатства, его основа. Люди не хотятъ ограничить свои потребности необходимымъ, „на-сущнымъ“, какъ то требуется молитвою Господнею, но непрерывно создаютъ себѣ новыя и новыя желанія, съ наро-станіемъ же „потребностей“ растетъ и жажда стяжанія, растетъ и богатство, обыкновенно опережающее желанія. Такая всепоглощающая страсть къ наживѣ или алчность, двигающая богачемъ, конечно, предполагаетъ въ немъ сердечную черствость и полное равнодушіе къ требованіямъ совѣсти. Не трудолюбіемъ и талантами, не альтруистическими соображеніями объ общей пользѣ созидаются, говорятъ, крупныя богатства, а „мужественнымъ“ отрицаніемъ симпатіи, жалости, честности,—однимъ словомъ—отрицаніемъ морали, въ дѣлѣ наживы весьма невыгодной. Мораль можетъ быть только тормазомъ на пути къ обогащенію, отвлекая отъ неуклоннаго и послѣдовательнаго осуществленія личной цѣли.

Такъ говорятъ люди компетентные въ этомъ вопросѣ. Такими же рисуются богачи и въ словѣ Божіемъ. „Горе вамъ, прибавляющіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, будто вы одни поселены на землѣ“! (Исаи V, 8). „Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствовать противъ васъ... Вы раскошествовали на землѣ и наслаждались; напители сердца ваши, какъ бы на день закланія“ (Іак. V, 1—5). Характеризуя способъ обогащенія, неизбѣжно соединенный съ нарушеніемъ правды, пророкъ Іеремія такъ говоритъ: „Куропатка садится на лица, которыхъ не несла; таковъ приобретающій богатство“... (Іер. XI, 17). Какія мѣткія и неумирающія характеристики, цѣликомъ примѣнимыя особенно къ крупнымъ богатствамъ нашей капиталистической цивилизаціи! Неудивительно, если въ Библии говорится о богачахъ большею частію въ тонѣ негодованія и укоризны, а слова „богатый“ и „нечестивый“ употребляются иногда какъ синонимы. „Я позавидовалъ“, говоритъ псалмопѣвецъ, „безумнымъ, видя благоденствіе нечестивыхъ. Ибо имъ нѣтъ страданій до смерти ихъ, и крѣпки силы ихъ. На работѣ человѣческой нѣтъ ихъ, и съ прочими людьми не подвергаются ударамъ. Отъ того гордость, какъ ожерелье обложила ихъ, и наглость, какъ нарядъ, одѣваетъ ихъ. Выкатились отъ жира глаза ихъ“ и т. д. (Пс. 72, 3... ср. Іов. 24, 2—3, 9—11). Такимъ образомъ при господствѣ необузданной личности и безсердечія въ жизни создается экономическое зло слишкомъ рѣзкаго контраста богатства и бѣдности. Таковъ простой взглядъ на вопросъ, диктуемый христіанскою совѣстью. Вопросъ этотъ запутанъ софизмами ложной науки, забывшей Бога, Евангеліе и совѣсть, но онъ ясенъ для христіанской совѣсти, и христіанскій взглядъ на причины социально-экономическаго зла безъ всякихъ компромиссовъ съ жизнью и ложною наукою неуклонно проводится въ христіанской литературѣ лучшими представителями христіанства, отцами и учителями, пастырями, проповѣдниками, публицистами и богословами-моралистами всѣхъ временъ. Довольно вызвать въ памяти благородный образъ великаго Златоуста, не разъ выступавшаго

со своимъ огненнымъ обличительнымъ словомъ противъ алчности и жестокости, какъ вѣчной язвы общественной жизни. Несправедливость, жестокосердіе, любостяжаніе и т. п.—вотъ почва, на которой вырастаетъ экономическое зло по воззрѣнію великаго отца церкви. Въ своемъ словѣ „О любви къ бѣднымъ“ другой великій отецъ церкви (и учитель вселенскій *св. Григорій Богословъ*) твердо высказываетъ христіанскій взглядъ на общій источникъ разнообразныхъ общественныхъ золъ и въ томъ числѣ бѣдности въ недостаткѣ любви между ближними со времени вторженія зла въ міръ. Въ объясненіе словъ изъ Притч. 22, 2: *нищъ и богатъ срътоста другъ друга, обоихъ же Господь сотвори* — св. отецъ пишетъ: „не думай, будто Господь сотворилъ одного нищимъ, а другого богатымъ для того, что бы ты еще больше могъ нападать на нищаго: ибо неизвѣстно, отъ Бога-ли произошло такое раздѣленіе. Въ сихъ словахъ Писанія показывается только то, что и нищій, и богатый равно созданы Богомъ, хотя и неодинакова внѣшняя ихъ участь. Пусть это подвигнетъ тебя къ состраданію и братолюбію, и еслибъ когда при взорѣ на свое богатство, ты возгордился, то мысль о общемъ Создателѣ смиритъ тебя и введетъ въ предѣлы скромности“ (въ перев. М. Д. А. 1889, ч. 2, стр. 36—37)..... „Бѣдность и богатство, свободное, въ обыкновенномъ смыслѣ понимаемое, состояніе, и рабство, и другія подобныя симъ имена уже въ послѣдствіи времени появились въ родѣ человѣческомъ, и какъ нѣкоторые недуги вторглись вмѣстѣ съ неправдою, которая и изобрѣла ихъ. Сначала же, какъ сказано въ Писаніи, не было такъ (Мѡ. 19, 8)“ (тамъ же стр. 26). „Съ наступленіемъ коварнаго владычества змія на землѣ, увлекавшаго ко злу приманкою удовольствія и вооружавшаго сильныхъ противъ слабыхъ, началась взаимная рознь въ человѣческомъ обществѣ и взаимное отчужденіе, выразившееся въ различныхъ наименованіяхъ званій, и любостяжаніе, призвавъ и законъ на помощь своей власти, заставило позабыть о благородствѣ человѣческаго естества“... (стр. 26) ¹⁾.

¹⁾ Скажутъ, пожалуй, что подъ этими словами подписался-бы и социализмъ; но что-жъ изъ этого? По недоразумѣнію социализмъ становился часто подъ защиту Евангелія, не подозревая, за видимымъ сходствомъ,

Если таковы главные причины экономического зла, то отсюда самъ собою вытекаетъ и главный способъ его устраненія. Необходимо „перейти отъ желѣзныхъ законовъ борьбы за существованіе къ царственному закону любви къ Богу и ближнему“. Въ христіанствѣ заключается исцѣленіе отъ болѣзни. Исцѣленіе достигается тремя средствами здѣсь: наибольшимъ ограниченіемъ личныхъ потребностей вопреки необузданному любостыжанію, любовью къ бѣднымъ и христіанскимъ понятіемъ о матеріальной собственности, какъ объ одномъ изъ многообразныхъ талантовъ, даваемыхъ Богомъ людямъ для служенія ближнему въ царствіи Его ¹⁾. Вотъ радикальный путь къ уничтоженію зла, указываемый Евангеліемъ. Если голосъ Евангелія проникнетъ въ сердца богачей, то наступитъ конецъ злу, хронической болѣзни, подтачивающей въ корнѣ современную цивилизацію.

Существуютъ два метода въ лѣченіи хроническихъ болѣзней: радикальный и палліативный или симптоматическій. Есть немало проектовъ перваго рода, предлагаемыхъ различными филантропами (въ своихъ подробностяхъ эти проекты подлежатъ компетенціи политико-экономической науки); христіанскій путь согласованія экономической жизни съ началами Евангелія имѣетъ надъ ними одно несомнѣнное преимущество. Это—испытанное, вѣрное и несомнѣнно радикальное средство. Оно здѣсь по своему цѣлебному дѣй-

---

коренныхъ отличій отъ христіанства, вытекающихъ изъ его основной точки зрѣнія на благо и зло. Довольно здѣсь привести на память, въ доказательство этого, любимую мысль *св. Іоанна Златоустаго*, часто имъ повторяемую, что богатство само по себѣ не есть благо или добро, если оно не сопровождается милосердіемъ и пользою душевною для владѣющихъ имъ, а бѣдность не есть зло, если она сопровождается терпѣніемъ и колызою душевною для лицъ, воспитываемыхъ премудрымъ и благимъ Провидѣніемъ на тернистомъ и скорбиомъ пути земныхъ лишеній...

¹⁾ Евангелійскій взглядъ на собственность существенно расходится съ обычнымъ пониманіемъ ея, поддерживаемымъ въ политической экономіи и правѣ. По Евангелію богачи не должны считать матеріальныя блага своею исключительною собственностью, которою они могли бы распоряжаться безотчетно по своему произволу: вишнія блага, какъ и самая жизнь, принадлежатъ Богу, Хозяину всего творенія, и Ему богачи должны давать отчетъ въ употребленіи этихъ благъ. Люди въ несобственномъ только смыслѣ называются собственниками и владѣльцами богатствъ: въ дѣйствительности же они только управители во владѣніи Бога.

ствію—то же, что сыворотка въ лѣченіи чумы, дифтирита, скарлатины. Палліативный методъ лѣченія направляется не противъ самого корня болѣзни, а противъ ея проявленій, чѣмъ препятствуетъ отчасти развитію болѣзни, смягчаетъ и облегчаетъ ее. Таковое значеніе по отношенію къ соціальной болѣзни приобретаетъ *благотворительность*.

Благотворительность отвергается многими филантропами, какъ непригодное лѣкарство противъ соціальнаго зла, и объявляется заплаткою на рубищѣ бѣдняка, неспособною замѣнить ему платье. И многимъ благотворительность не внушаетъ довѣрія, какъ средство въ борьбѣ со зломъ сколько-нибудь цѣлесообразное, подъ впечатлѣніемъ современной „христіанской“ благотворительности. Увы, современная благотворительность, за немногими исключеніями, не можетъ быть признана христіанскою ни по своему источнику, ни по своимъ формамъ. Современная общественная благотворительность порождается не христіанскимъ началомъ любви къ ближнему, а другими мутными источниками, а потому не имѣетъ и христіанскихъ формъ. Она служитъ средствомъ всяческой корысти, тщеславія, честолюбія, увеселеній, средствомъ развлеченія отъ скуки, однимъ изъ способовъ убавлять совѣсть ¹⁾. Такого рода благотворительность, ко-

---

¹⁾ „Вотъ, къ примѣру, дома ночлежные, трудолюбивые, богодѣльны и прочія такія учрежденія“, рассуждаетъ одинъ изъ героевъ *М. Горькаго*... „Дома эти для бѣдныхъ, нищихъ стало быть—во исполненіе Христовой заповѣди... Ладно! А кто есть нищій? Нищій есть человѣкъ, вынужденный судьбой напоминать намъ о Христѣ, онъ братъ Христовъ, онъ колоколь Господень и звонитъ въ жизни для того, чтобъ будить совѣсть нашу, тревожить сытость плоти человѣческой... Онъ стоитъ подъ окномъ и поетъ: „Христа ра-адн“ и тѣмъ пѣніемъ напоминаетъ о Христѣ, о святомъ Его завѣтъ помогать ближнему... Но люди такъ жизнь свою устроили, что по Христову ученію совѣмъ имъ невозможно поступать, и стать для насъ Иисусъ Христосъ совѣмъ лишний. Не единожды, а можетъ, сто тысячъ разъ отдавали мы Его на пропатіе, но все не можемъ изгнать Его изъ жизни, зане братія Его нищія поетъ на улицахъ нмя Его и напоминаетъ намъ о Немъ... И вотъ нынѣ придумали мы: запереть нищихъ въ дома такіе особыя, и чтобъ не ходили они по улицамъ, не будили-бы нашей совѣсти... Вотъ придумали мы запирать ихъ въ дома разные и, чтобъ не дорого было содержать ихъ тамъ, работать заставили ихъ, старенькихъ да увѣчныхъ... И милостыню подавать не нужно теперь, и убравши съ улицъ нашихъ отрпышей разныхъ, не видимъ мы лютотъ ихъ скорби и бѣдности, а потому можемъ думать, что

нечно, не можетъ быть поставлена наравнѣ съ истинною христіанскою благотворительностью, которая порождается безкорыстною любовью и оцѣнивается не однимъ количествомъ рублей, но душевными расположеніями благотворителей, вмѣстѣ съ рублями отдающихъ и сердца свои бѣднымъ, состраданіе и участіе. Съ узко-матеріальной или утилитарной точки зрѣнія современная корыстная и увеселительная благотворительность точно также не можетъ быть высоко цѣнима. Гдѣ оскудѣли живые источники благотворительности, тамъ трудно ожидать значительныхъ результатовъ отъ нея даже въ утилитарномъ смыслѣ; тамъ благотворительность сводится къ печальному искусству разными хитрыми способами выманывать жалкіе рубли и пяточки у эгоистовъ... Что значить это въ сравненіи съ сердцами богачей, пронизанными угрызениемъ совѣсти и жалостью къ бѣднымъ?

И такъ, что сказать о благотворительности вообще, какъ паллиативномъ лѣкарствѣ противъ соціального зла? Будемъ ли мы отвергать лѣченіе чахотки и т. п. болѣзней на томъ основаніи, что противъ нихъ еще не открыта сыворотка? Нѣтъ, это было-бы неразумно. По этому будемъ лѣчиться благотворительностью, пока не настало время для радикальнаго лѣченія! ¹⁾.

всѣ люди на землѣ сыты, обуты, одѣты... Вотъ они къ чему, дома эти разные, для скрытія правды они... для изгнанія Христа изъ жизни нашей“ (*М. Горькій*. Разсказы. Томъ четвертый: „*Томъ Гордѣвъ*“. Спб. 1901. изд. тов. „Знаніе“, стр. 128, 129).—Противъ современной благотворительности много писалось и много можно, конечно, писать, но нѣкоторые недостатки вызываются въ ней не существомъ дѣла, а недостаточно широкою постановкою или недостаточнымъ развитіемъ той или иной отрасли благотворительности общественной. Доказательствомъ этого служатъ, напр., очерки *Семена Подъячева* „Мытарства“ (въ *Русск. Богатствѣ* 1902), рисующіе съ дурныхъ сторонъ учрежденіе рабочихъ домовъ; но эти стороны какъ разъ вызываются, главнымъ образомъ, количественнымъ недостаткомъ рабочихъ домовъ, и авторъ только заставляетъ желать большаго увеличенія этихъ домовъ.

¹⁾ Соціализмъ радикальнымъ средствомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ зломъ объявляетъ принудительную регламентацію жизни законами, или же—мечъ. Въ этомъ его существенное отличіе отъ христіанства, создающее между нимъ и христіанствомъ дѣлую бездну. Христіанство все приурочиваетъ къ добровольному самоотреченію въ пользу бѣдныхъ по любви къ нимъ и ради Христа (Д. Ап. V, 4), а это можетъ быть достиг-

Всего видѣе изнанка современной европейской цивилизаціи открывається на международныхъ отношеніяхъ или въ политикѣ христіанскихъ народовъ.

Международное право, предназначенное опредѣлять взаимныя отношенія народовъ, несомнѣнно есть одинъ изъ благодатныхъ даровъ христіанства. Но какое это все еще хилое и слабое растеніе, плохо прозябающее на каменистой почвѣ *націонализма* или узкаго эгоизма народовъ! Отношенія народовъ и нынѣ опредѣляются не правомъ, не справедливостью, тѣмъ болѣе не евангельскою любовью, а народнымъ эгоизмомъ съ его правомъ сильнаго. Самые культурные народы міра, выходя за предѣлы того, что называется сохраненіемъ національнаго „я“, впадаютъ въ такъ называемый узкій націонализмъ, который есть проявленіе общественнаго коллективнаго самолюбія. Всякій народъ стремится къ сохраненію своихъ выгодъ въ ущербъ другимъ, и, если нѣтъ теперь войны съ оружіемъ въ рукахъ, то существуетъ „экономическая“ война. Вооруженный миръ, превращающій всю культурную Европу въ вооруженный лагерь, есть характерная черта нашего времени. Государства поглощены заботою объ увеличеніи своихъ войскъ и боевой готовности, наибольшую часть своихъ доходовъ непроизводительно тратятъ на вооруженіе и содержаніе войскъ; военные бюджеты растутъ непомярно... Несомнѣнно, современный *милитаризмъ* христіанскихъ народовъ не говоритъ въ пользу ихъ христіанскаго настроенія: не миромъ, а завистью, враждою, соперничествомъ дышутъ народы... По одному мѣткому сравненію, войско есть красный флагъ на каланчѣ, указывающій на опасные размѣры пламени. А народы любятъ и гордятся этимъ флагомъ!..

Нигдѣ такъ не поразителенъ контрастъ въ степени дѣйствія христіанства, съ одной стороны, на личность, а съ другой—на общество, какъ въ международныхъ отношеніяхъ. Христіанскія общества не лишены христіанскихъ личностей или христіански настроенныхъ единицъ, но не тако-

---

нуто, конечно, только нравственнымъ подъемомъ духа, его обновленіемъ. Возможенъ-ли этотъ подъемъ духа, пробужденіе совѣсти богачей нынѣ, какъ во дни Закхей? Многие вѣрятъ въ это. Присоединимся и мы къ нимъ...

вымъ является общество или цѣлое, слагаемое изъ этихъ единицъ. Единицамъ не дозволенъ эгоизмъ или самолюбіе, но онъ дозволяется и даже восхваляется въ цѣломъ или коллективной единицѣ подъ видомъ патріотизма, хотя бы онъ имѣлъ характеръ узкаго и грубаго эгоизма (націонализма). Единицамъ запрещаются убійства, грабежи, угнетеніе слабыхъ и т. п., но все это спокойно допускается и даже одобряется въ цѣломъ, въ международныхъ отношеніяхъ. Единицамъ запрещаются ложь, клевета, обманъ и т. п., но все это допускается и даже требуется политикою христіанскихъ народовъ, исключаящею по обычному мнѣнію правдивость и честность, какъ вещи ненужныя и даже невозможныя здѣсь (*дипломатія*). Къ сожалѣнію всѣхъ сыновъ царства Божія, наглядное подтвержденіе всего этого далъ нынѣ одинъ изъ самыхъ культурныхъ народовъ христіанскаго міра, извѣстный (въ послѣднемъ) строгимъ соблюденіемъ четвертой заповѣди и почитаніемъ Библии. Увлекаемый тщеславіемъ и жаждою золота, этотъ христіанскій народъ ринулся всѣми своими силами на мирное, честное, геройское племя, беззащитное почти по своей малочисленности, сильное только вѣрою въ Бога и правду Его и правотою своего дѣла. На глазахъ всего міра этотъ маленькій геройскій народъ палъ въ слишкомъ неравной борьбѣ съ хищнымъ врагомъ и намъ пришлось оставаться безсильными зрителями печальнаго зрѣлища наглаго торжества грубой силы надъ правдою! Для сыновъ царства Божія печальнѣе всего въ этомъ зрѣлищѣ, въ сущности обычнаго въ мірѣ торжества силы надъ правдою, въ особенности одна сторона. Это — та сторона зрѣлища, которая бросаетъ яркій свѣтъ на общее нравственное состояніе культурнаго христіанскаго міра. Культурно-христіанскій міръ, какъ видимъ, даже послѣ гаагской конференціи поставленъ въ невозможность противодѣйствія грубому нарушенію международного права. Англо-бурская война останется вѣчнымъ позорнымъ пятномъ на политикѣ христіанскихъ народовъ и яркимъ свидѣтельствомъ антихристіанскаго направленія европейской цивилизаціи. Эта сторона англо-бурской войны и англійской побѣды надъ бурами съ трогательною и возвышенною простотою и искренностью чувства передана въ очеркѣ пастора Гиллота, предсѣдателя русско-

голландскаго комитета помощи бурамъ, подъ заглавіемъ „Мой послѣдній визитъ президенту Крюгеру“. Позволяемъ себѣ выдержку изъ обвинительной рѣчи о Гиллота противъ современной цивилизаціи по поводу печальнаго исхода южно-африканской войны. „Эта война съ ея грустнымъ концомъ отняла у насъ все, что мы считали своимъ драгоценнѣйшимъ достояніемъ и... все, чего никто не могъ вернуть намъ. Прежде всего она отняла у насъ вѣру въ побѣдоносную власть права. Кто еще сомнѣвается въ томъ, на чьей сторонѣ было право, тотъ пусть прочитаетъ упомянутое выше письмо президента Штейна. Изъ него онъ узнаетъ, какъ систематически вовлекалась въ войну трансвальская республика, разъ она не хотѣла отдать себя въ руки англичанъ; изъ него онъ узнаетъ, какъ война была рѣшена со дня неудавшагося вторженія Джемсона, какъ Штейнъ до послѣдней минуты пытался быть посредникомъ, какъ президентъ Крюгеръ дѣлалъ уступку за уступкой. Ничто не помогало. Повторилась старая исторія. У Навуооа есть виноградникъ; сильный желаетъ его имѣть, забираетъ его. Народы Европы оглядываются кругомъ, они ждутъ, что вотъ-вотъ гдѣ-нибудь раздастся голосъ и громко провозгласить: „стой, ни шагу дальше!“ Всѣ безмолствуютъ. Они умѣютъ только милостыню подавать. И это они дѣлали въ полномъ единеніи и согласіи. Но виноградника никто Навуоою не возвращаетъ. И мы потеряли вѣру въ человѣчность. Намъ казалось, что человѣчность должна сдѣлаться лозунгомъ двадцатаго столѣтія. Теперь мы узнали правду: *Le succès c'est le dieu de fer, qu'on adore* (успѣхъ — вотъ желѣзный идолъ, которому поклоняются). Человѣчность — это ничѣмъ не разрѣшившаяся туча, которая носилась надъ концентраціонными лагерями. Читайте отчеты нашего доктора Ренненкампа, голландскаго доктора Путсма, — такъ же, какъ и Ренненкампа, до конца сохранившаго вѣрность борцамъ, — читайте о томъ, какъ сжигались амбулаторіи, какъ закрывались госпитали, вдумайтесь въ простыя слова генерала Бота: „Двѣ тысячи женщинъ умерли“. И вѣру во влияніе христіанства отняла у насъ эта война. Христосъ! Я хотѣлъ бы видѣть лицо Сына Человѣческаго, шествующаго по упитаннымъ кровью полямъ южной Африки! Я хотѣлъ бы слушать Его проповѣдь посреди дымящихся развалинъ,

гдѣ къ стопамъ Его припадаютъ рыдающія матери и умирающія дѣти. Я вижу, какъ Онъ раняетъ слезы у входа въ концентраціонные лагеря, я вижу, какъ Онъ съ изумленіемъ оглядывается къ церкви св. Павла, въ моментъ, когда христіане въ христіанской церкви возсылаютъ Отцу благодаренія за такую побѣду надъ братьями и... сестрами, и... дѣтьми. Мнѣ кажется, я слышу гулкой свистъ бича“. (*Биржевыя Вѣдомости* 1902, № 318).

Безотрадная, но неотразимо вѣрная аттестація нашей цивилизаціи! Сколько невинно-пролитой крови, сколько горькихъ слезъ вошлетъ отъ земли на небо противъ этой цивилизаціи, которою многіе нынѣ такъ гордятся!!

Проводникомъ и носителемъ цивилизаціи или культуры служить государство; носительницею и проводницею въ жизнь религіи христіанской служить христіанская церковь. Какая культура и какъ насаждается государствомъ, это зависитъ отъ его отношеній къ христіанской религіи или Церкви. Отсюда большое значеніе въ вопросѣ о современной культурѣ получаетъ разсмотрѣніе тѣхъ отношеній, въ которыхъ обычно стоятъ у христіанскихъ народовъ государство и церковь (или христіанство).

Все, выше сказанное о противорѣчій христіанству современной цивилизаціи, наконецъ, можно видѣть еще на отношеніяхъ въ христіанскихъ народахъ между государствомъ и церковью. Нагляднымъ доказательствомъ того, что царства Божія еще нѣтъ на землѣ во всей, возможной здѣсь, полнотѣ и силѣ, служить существованіе различныхъ неправильныхъ отношеній между государствомъ и церковью или, что тоже, христіанскою религіею.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Прот. П. Свѣтловъ.
